

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Александра Юрьевича Горбенко
«Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова:
генезис, механизмы, семантика, контекст»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература

Вероятно, любой, кто выступал оппонентом диссертационных исследований, припомнит случаи, когда автор определял актуальность своей работы, скорее, подчиняясь формальным требованиям, нежели обнаруживая подлинную современность и новизну подхода к поставленной проблеме. Рассматриваемая диссертация свободна от этого недостатка – А.Ю. Горбенко, декларируя актуальность исследования жизнестроительных стратегий, внятно и точно указывает на существование определенного исследовательского тренда, с одной стороны, имеющего свою традицию, с другой стороны, постоянно переосмысляемого и корректируемого теми, кто его практикует. Теоретическая и историко-литературная продуктивность обращения к творчеству Г.Д. Гребенщикова безусловна – его проза и общественно-культурная деятельность являются замечательным материалом для того, чтобы разобраться в содержательных и технических аспектах (авто)конструирования литературной биографии, и в то же время – проследить за некоторыми трансформациями «сибирского мифа» (в том числе, в условиях эмиграции), осмыслить характер взаимодействия центральных и периферийных культурных институций, поставить ряд вопросов, связанных с формированием традиционализма русского зарубежья.

Несомненно, изучение «теории и практики» жизнестроительства сдвигает фокус исследовательского внимания на проблемы социокультурного бытования литературы (то есть на механизмы «вхождения» в литературную жизнь, создание репутации, эффективные и неэффективные способы публичной самопрезентации, попытки автоканонизации и т. п.), но подобный сдвиг изначально предполагает владение навыками традиционной филологической работы (начиная с доскональной осведомленности в истории вопроса и заканчивая умением интерпретировать текстологические и поэтологические тонкости). Сразу замечу, что филологическая эрудиция автора диссертации, его умение работать с биографическим контекстом и квалифицированно комментировать анализируемые тексты не вызывают сомнений. Основные концептуальные положения сформулированы внятно, снабжены развернутой аргументацией, композиция диссертационного исследования четко раскрывает логику работы (в этом смысле сочетание проблемного и хронологического подходов, которого придерживается автор, – оптимальный вариант организации материала). При этом диссертанту удастся рефлексировать специфику собственной аналитической

позиции и избегать «натурализации ключевых сюжетов персонального мифа писателя» (с. 8): на протяжении исследования он последовательно проблематизирует характерные для Гребенщикова приемы создания литературной биографии (прежде всего, речь идет о содержательном центре диссертации – главе I) и показывает, как опора на культурный авторитет и последующее отстранение от него становятся важным источником (само)легитимации. Наблюдения над модификациями житийной сюжетной схемы в «Егоркиной жизни» и истолкование этой вещи как автоагиографического текста завершают характеристику основных жизнестроительных стратегий Гребенщикова. Впрочем, стремление диссертанта в главе I увести в подстраничные примечания некоторые принципиально значимые наблюдения, касающиеся контекста, кажется мне не всегда оправданным. Так, например, на с. 36 характеристика отношений между культурной элитой и «народными» писателями редуцирована до примечания, в то время как более развернутый, детализированный и помещенный в основной текст комментарий дал бы возможность продемонстрировать многообразие моделей восприятия «писателя из народа» в культурно привилегированной среде и прояснить, как именно Гребенщиков работал со сложившейся культурной конъюнктурой.

Главы II и III объединены стремлением диссертанта осмыслить деятельность Гребенщикова как вариант культурного традиционализма, сложившегося в эмигрантской среде и остающегося до сих пор плохо изученным социокультурным феноменом. На мой взгляд, здесь автором диссертации сформулировано несколько важных наблюдений, касающихся специфики традиционализма Гребенщикова, который ориентировался на устойчивые культурные модели («вестничество», «изгойничество», толстовские литературно-дидактические опыты и т.п.), тиражировал не им изобретенные риторико-идеологические ходы (к примеру, истолкование эмиграции как духовной миссии и культурной экспансии), однако смог реализовать во многих отношениях уникальный проект Чураевки. Диссертанту удастся продемонстрировать сложную символическую и психологическую природу подобного традиционализма, пронизанного модернистскими элементами, его обусловленность различными историческими и этнокультурными контекстами – консервацию, которая осуществляется через осуществление утопического проекта (Чураевка), стремление поддержать национально-культурную идентичность, декларируя приверженность православной традиции и одновременно дрейфуя под влиянием Н.К. Рериха в сторону экуменических идей. Отмечу также, что нетривиальные выводы о специфике писательского мессианства, основанного на удваивании ситуации «изгойства», об опыте конструирования сообщества-«семьи» и «вторичности» мессианской риторики обнаруживают знакомство автора работы с широким кругом научной литературы по этим темам и

с теоретическим аппаратом современных гуманитарных исследований. То, что диссертант имеет четкое представление об основных тенденциях гуманитарного знания, рискует выходить в междисциплинарное пространство и, используя всю полноту литературоведческого инструментария, квалифицированно в нем работать, вообще, кажется мне одной из сильных сторон этого исследования.

Заключительная глава диссертации представляет собой осмысление автором итога жизнестроительных устремлений Гребенщикова – проекта Чураевки, который рассматривается на нескольких уровнях – как литературоцентричное пространство, выстроенное Гребенщиковым с явной ориентацией на имеющиеся символические образцы (скит Сергея Радонежского и толстовская Ясная Поляна); как очередная фаза «сибирского мифа», адаптированного к существовавшим геополитическим реалиям и явственно обнаружившего универсалистский потенциал представлений о Сибири – «стране будущего» (Гребенщиков предпочитал говорить о «взаимной корпорации» Сибири и США и об «американском Алтае» как месте формирования нового духовного сообщества, в которое могли бы влиться эмигрировавшие из России). Концептуально эта глава, обозначившая и возможные перспективы дальнейшего исследования, абсолютно логично венчает работу и еще раз демонстрирует основательность научного подхода А.Ю. Горбенко.

Мои критические замечания к этому диссертационному исследованию отчасти предсказуемы – они со всей очевидностью иллюстрируют расхожую истину о недостатках как о продолжении достоинств. Несомненно, перед автором диссертации, посвященной проблемам жизнестроительства, стояла довольно сложная в теоретико-методологическом плане задача формирования как можно более точного аналитического языка (естественно, с опорой на существующую традицию или, лучше сказать, традиции). Я думаю, в общем и целом, диссертант с этой задачей справился, однако терминологическая перегруженность работы (например, «мессианский дискурс жизнестроительства писателя и его ключевые репрезентации» (с. 28), «дискурсивная стратегия ресентимента» (с. 171) и др.), а также непроясненность использования некоторых теоретических понятий вызывает вопросы. Так, на мой взгляд, нуждаются в конкретизации понятия «негативная идентификация» и «идеологема “врага”», которые часто, как и родственный в смысловом отношении термин «ресентимент», используются автором в связке (например, на с. 49). В данном случае диссертант ориентируется на статьи Л.Д. Гудкова «К проблеме негативной идентификации» и «Идеологема “врага”» (см. сборник работ социолога «Негативная идентичность» (М., 2004)). При этом из значительного числа работ об образе Врага названа только книга У. Эко «Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю» (М., 2014), а в связи с понятием ресентимента упомянута статья В.М. Живова «Маргинальная культура в России и рожде-

ние интеллигенции» (Живов В.М. Разыскания в области истории и предьистории русской культуры. М., 2002). Тут вопрос вовсе не в количестве источников, тем более что справочно-библиографический аппарат этой диссертации чрезвычайно внушителен, а, скорее, в необходимости понимать разнообразные контексты использования терминов. Тот же Гудков, например, рассуждает об «идеологеме “врага”» и негативной самоидентификации в работах, выдержанных в рамках определенной теоретико-идеологической концепции (в частности, он продолжает исследование «советского простого человека», начатое еще в конце 1980-х по инициативе Ю.А. Левады) и посвященных анализу ценностных установок (*пост*)советского субъекта: оба понятия используются им при анализе коллективной идентичности россиян в ситуации социальных трансформаций и эрозии институтов «тоталитарного общества». Наверное, ограничиться ссылкой на статьи Гудкова было бы резонно, если бы речь шла о писателях, чье творчество и общественная позиция являются выражением (или иллюстрацией) описанных социологом процессов, но Гребенщиков к таким писателям явно не принадлежит. Возможно, в подобных ситуациях стоит сопоставлять и разные дефиниции понятия, и разные контексты его использования. К примеру, если держать в уме приведенное на с. 46 определение «негативной идентификации», данное Гудковым, то не является ли избыточным и радикализирующим анализируемую ситуацию использование этого термина, к примеру, на с. 159 в утверждении «жизнестроительный сценарий Гребенщикова включал в себя как следование толстовской модели, так и полемику с ней или даже *негативную идентификацию* по отношению к классику...»? Может быть, понятий «полемика» или «отталкивание» (от толстовской модели) в этом случае было бы достаточно?

Конечно, высказанные замечания не меняют положительной и очень высокой оценки рассматриваемой диссертации: работа А.Ю. Горбенко является самостоятельным и квалифицированным научным трудом, обнаруживающим детальную проработку диссертантом поставленной проблемы, способность ориентироваться в большом объеме информации, отличное владение необходимым инструментарием и, наконец, умение интерпретировать сложные литературные и социокультурные феномены. Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, связанной с реконструкцией жизнетворческих сценариев писателя, осмыслением механизмов культурной (авто)легитимации литераторов – «выходцев из народа», анализом культурно-идеологической специфики традиционалистского ретроутопического проекта (Чураевка). Данная задача является приоритетной для развития современного отечественного литературоведения (в частности, сибиреведения и лите-

ратурно-социологических штудий). Работа соответствует всем требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», а ее автор, Александр Юрьевич Горбенко, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

14 ноября 2016 г.

Разувалова Анна Ивановна, кандидат филологических наук, 10.01.01,
ведущий научный сотрудник Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, г. Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4, <http://www.pushkinskiydom.ru/>
(812) 328-19-01
+ 79112718498 rai-2004@vandex.ru

